

Текущий год объявлен ЮНЕСКО годом Андерсена: 2 апреля мир отметил 200-летие сказочника. России очень повезло: каждое государство выбирает к юбилею своего сказочного посла, а у нас он уже есть. Причем в каждом доме. Потому что настоящего дома без детей и детства без «Снежной королевы» не бывает — как книг Андерсена на русском без иллюстраций Бориса Диодорова. Любимого книжного графика нескольких поколений читателей, отца Винни Пуха и Нильса, единственного российского лауреата Гран-при премии имени Х. К. Андерсена, президента Андерсеновского фонда в России — в общем, титулованного волшебника. И только сказочными обстоятельствами можно объяснить то, что и в советские годы, и в последующее десятилетие культурного забвения, и при ны-

— Вы говорите об организации юбилейных мероприятий как о своих первостепенных обязанностях, а о самой награде — как о не столько профессиональной, сколько общегуманитарной. Получение приза сильно изменило вашу жизнь?

— Это просто утвердило меня в сокровенной мысли: если верить в сказку, она случается в жизни. Сюжет-то абсолютно сказочный: настоящая принцесса в родном городе Андерсена вручает мне приз его имени. Предшествовала ему история не менее чудесная: в одночасье я потерял все документы — на квартиру, на машину. Дня четыре мы с женой беззастенчиво переворачивали в квартире все ящики и секретеры, а потом жена мне наказала: «Иди в церковь и проси прощения, что так долго там не был». (Для меня очень важно, что Андерсен был глубоко верующим человеком.) Возвращаюсь — и в первом же открытом ящике обнаруживаю пропажу, причем демонстративно положенную сверху. Рассердился на жену: думал, розыгрыш...

Через пять минут — звонок из посольства: «Вы не будете против выдвижения на премию Андерсена?». На вручении я говорил о том, что с

столовались, в огромном, как кремлевский, зале было накрыто столов двенадцать, не больше, а посередине — шведский стол. И королева Маргрет II ходила к нему пешочком с тарелочкой. Я не видел ни охраны, ни автоматчиков, ни других привычных в нашей элите строгих лиц. Отдельная тема — как бережно относятся к музею Андерсена и сохранению его наследия, как неравнодушно работают над образовательными и просветительскими программами... Из Оденсе я давно привез крокусы, хотел посадить их рядом с памятным знаком Андерсену работы скульптора Бурганова, который мы предложили установить в детском парке «Усадьба Трубецких в Хамовниках». Но из Хамовнической управы мне прислали бумагу с уведомлением о порядке установки памятников — оказалось, у нас столько запрещающих постановлений...

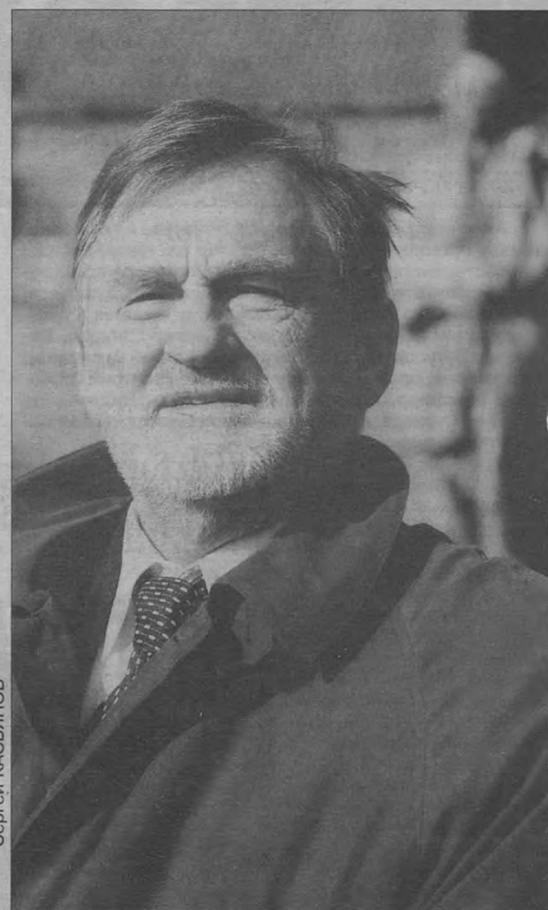
нешнем коммерческом оскале издательского рынка Диодоров делает одно и то же — творит средневековую по духу по духу мистерию книги.

К юбилею изданы две книги Андерсена—Диодорова: одна — стараниями художника в московском издательстве, другая — во Франции, по рекомендации министра просвещения. Борис Аркадьевич подготовил к изданию подарочный альбом, где под одной обложкой собрались все русские иллюстраторы Андерсена, и «Автограф Пушкина» — рассказанную переводчиком Андерсена Л.Ю. Брауде историю о том, что Ханс Кристиан всю жизнь хранил подаренный ему росчерк Александра Сергеевича. Борис Аркадьевич говорит, что с удовольствием поработал бы с Пушкиным, но так уж складывается, что любовью всей жизни стал датский сказочник.

Наша справка:

Борис Аркадьевич ДИОДОРОВ родился в Москве в семье художника, рисовать начал с детства под впечатлением от иллюстрированных съездинских изданий из библиотеки своего деда. Окончил ф-т живописи Московского художественного института им. Сурикова, где занимался в творческой мастерской М.И. Курилко — главного художника Большого театра. Из более чем трехсот книг, проиллюстрированных художником за сорок лет в книжной графике, большая часть — сказки. Широкая известность пришла к художнику после появления книги С. Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» и сказки А. Милна «Винни-Пух и все-все-все» в 1979 году.

За последние 20 лет Диодоров получил все значительные премии мира в области книжной графики: в том числе серебряную медаль на Международной выставке-ярмарке книги в Лейпциге (1982), Гран-при премии им. Х.К. Андерсена за иллюстрации, диплом I степени российского конкурса «Искусство книги» за юбилейное издание сказок Андерсена в 2004 году.

Сергей КАСЬЯНОВ

Сказки его палитры

Посол России на 200-летнем юбилее Ханса Кристиана Андерсена — единственный наш лауреат Гран-при Андерсеновской премии художник Борис Диодоров

Как только за произведение стали платить как за вещь, как за картину в раме, оно стало товаром, стало подчиняться законам рынка, стало пытаться «нравиться»

детства считал Андерсена русским писателем — он так рано приходит в каждое детство, что все его считают своим.

— Каждый лауреат получает пожизненное право приезжать на ежегодные торжества за счет Дании — и вот вы в очередной раз собираетесь в Оденсе. Для Дании Андерсен — как для нас Пушкин: «наше все». Казенный отечественный юбилей прошелся по стране шагами командора, а как обстоят дела в Датском королевстве?

— Мы с остальными девятью лауреатами уже стали друзьями, встречаемся как родные люди. На высоком королевском приеме официоза не чувствуется, поражает демократичность и общение всех гостей на равных. В ратуше вместе

— А почему до сих пор после долгих обсуждений во всех инстанциях так и не появился в Москве настоящий памятник Андерсену?

— Мы со старшим Михалковым (Сергей Владимирович — президент национальной секции ЮНЕСКО по детской книге) решили написать Лужкову с напоминанием о юбилее, чтобы заранее

подготовиться. У нас же до сих пор нет ни скверика, ни клумбочки имени Андерсена. Оказывается, Крупская запретила Андерсена, исключила его из школьных программ, потому что он не был борцом за права угнетенных и мировую революцию.

Стало известно, что мэру наложили положительную резолюцию, но ответ мы с Михалковым так и не получили. Однажды в отделе культуры мэрии мне по

телефону сказали: «Ну что вы так волнуетесь, как будто себе памятник ставите?!». Пишу статьи в газету «Не ссылайте Андерсена»: приходится защищать сказочника от Министерства культуры. Когда наконец заговорили об установке памятника, условия конкурса объявили только за месяц?! Рукавишников и Тугаринов представили более или менее проработанные версии, а дальше — «вопрос обсуждается»...

— Кажется, советским детям, которые выросли и забыли Андер-

сена, надо почаще его перечитывать... — Вклад Андерсена в детскую литературу можно сравнивать только с вкладом Толстого и Пушкина, «духовников детства». Это не «чепухинка», которой заполнены сегодня экраны и прилавки. Андерсен вообще из тех фигур мировой литературы, которые про себя все написали, хотя его почему-то до сих пор пытаются редактировать и издатели, и критики, и переводчики... В некоторых переводах есть сюжет, но нет тех заповедей, которые он нес маленькому читателю.

В искусстве нельзя говорить «я ем». Искусство — это служение, а не самоутверждение, и граница его там, где кончается пушкинская строка «И чувства добрые я лирой пробуждал».

— А как вы оцениваете состояние отечественной детской литературы. Сегодня детство начинается не только с дюймовочек, а с покемонов...

— Посмотрите, вот две мои книги. Одна вышла в Париже, министр просвещения выбрал ее для списка финансируемых бюджетом изданий как книгу, рекомендованную для воспитания вкуса у молодых людей, — эта программа поддерживается наряду с изданием учебников. И печально, что по полиграфическому качеству и оформлению эта книга лучше российского аналога. Сегодня в России хороших мировых художников не может посвятить себя книге, он не может даже окупить материалы. Всю прибыль от дорогостоящих изданий получает распространитель. Посмотрите на оттенки иллюстраций — этот цвет приходится искать через десять травле-

Однажды в отделе культуры мэрии мне по телефону сказали: «Ну что вы так волнуетесь, как будто себе памятник ставите?!»

ний цинковой доски в кислоте, чтобы соседствующие краски жили в гармонии. А один мой печатник в типографии мне говорил: «Что-то у тебя жухловато получается» — и требовал красок поярче...

Сделать книгу — для художника труд более серьезный, чем написать картину, потому что до авторского осмысления классики нужно дорасти лично. Только когда работаешь ежедневно — работаешь легко и накопленная энергетика срывается с кончиков пальцев.

Книга живет медленно — вместе с человеком. Люблю общаться с книгами наедине, гладить их по корешкам. Скоростное прокручивание по телевизору оторвано от той энергетике, которая кажется мне обязательной в искусстве.

— Вам интересно что-то в современной живописи?

— Слово «современный» я исключил из употребления. Всякое искусство называется современным, пока художник жив, а после его смерти

ники. Общался в кругу Франциско Инфанте, Олега Целкова, Миши Дорохова, Льва Нусберга, который писал теоретические трактаты о кинетизме и оп-арте... Знаете, когда мы штудировали «О духовном в искусстве» Кандинского, я начал замечать, что там очень много умозрительного, математических доказательств, но от самих произведений я не получаю того, что получаю от общения с произведениями мастеров классического искусства. Те, кто считает, что искусство должно идти вперед, не согласаются со мной. Но я думаю, что искусство вне-временно. Его призвание — быть! Как только за произведение стали платить как за вещь, как за картину в раме, оно стало товаром, стало подчиняться законам рынка, стало пытаться «нравиться».

— Все-таки поразительно, как вам удалось пронести светлое восприятие жизни сквозь десятилетия работы в советском искусстве. Но иначе, наверное, не получится придумать пер-

начинают работать другие критерии. Смотришь на выставке — вроде бы все убедительно сконструировано, но уходишь и не знаешь, что вспомнить.

— В конце 80-х вы в течение нескольких лет были главным художником «Детской литературы», где работал Илья Кабаков и которая наряду с другими детскими издательствами в застойные времена стала колыбелью концептуализма. Ваши увлечения как-то пересекались с экспериментами коллег-нонконформистов?

— Кабаков делал замечательные книжные работы, я воспринимал его как продолжателя традиции Конашевича. Помню, Кабаков сделал отличный диплом: его «Тевье-молочник» долго висел у нас в столовой в Суриковском — живая, очень хорошая серия. А вот его концептуализм для меня, к сожалению, неинтересен. А в «Мальше» работал Эрик Булатов, в Минске жил Борис Заборов... Все они, можно сказать, почти мои однокурс-

сонажа которого ребенок признает своим?

— Я не подстраиваюсь под детей, а разговариваю с ними на языке моего детства и стараюсь сохранить в себе эту бескомпромиссность и искренность — когда витаешь в облаках, мечтаешь только о самом дорогом и сокровенном. Делая для маленьких того же «Винни Пуха», я растворялся в этой теме. Понимал, что должен заново научиться, хотя бы мысленно, скакать на одной ноге и играть в его игры. А что касается профессиональных моментов — с детской книгой я всегда был к себе более требователен, чем в проhodных, иногда несложившихся работах для взрослых.

— Вы производите впечатление абсолютно счастливого человека. А у вас осталась какая-то творческая мечта, что-то нереализованное в профессии?

— Мечта? Всегда есть следующая работа.